

В.В. Трубецкой

Панметодизм в этике

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В.В. Трубецкой**
Панметодизм в этике / В.В. Трубецкой – М.: Книга по Требованию, 2021. –
44 с.

ISBN 978-5-458-54969-1

ISBN 978-5-458-54969-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ основу какой-либо дѣятельности. Вотъ почему въ этикѣ важнѣйшимъ результатомъ „методы чистоты“ является отдѣленіе элемента этического отъ элемента психическаго въ понятіи субъекта ¹⁾. Этический субъектъ не есть душа, не есть что-либо родившееся или прирожденное: самое понятіе характера, доброй или злой воли есть предразсудокъ. Именно этимъ по Когену опредѣляется огромное положительное значеніе „методы чистоты“ для этики. Еслибы субъектъ представлялъ собою нѣчто данное, рожденное и воспитанное въ опредѣленной средѣ, этика не имѣла бы смысла и не была бы возможна: она была бы цѣликомъ поглощена антропологіей и социологіей ²⁾. „Чистое“ есть вообще несмѣшанное, т.-е. свободное отъ всякаго эмпирическаго содержанія ³⁾; соотвѣтственно съ этимъ и субъектъ этики не есть эмпирический субъектъ: „чистая воля“ этого субъекта должна быть понимаема какъ прямая противоположность всему данному. Этимъ *чистая воля* отличается отъ *желанія*; послѣднее направлено на внѣшній предметъ, будь то пища или владѣніе или господство. Напротивъ, „чистая воля“ какъ и чистая мысль сама изъ себя производитъ все свое содержаніе ⁴⁾.

II.

Живой человѣкъ не находитъ себѣ мѣста въ „Этикѣ чистой воли“, потому что здѣсь онъ замѣняется отвлеченнымъ понятіемъ, точнѣе говоря, *методомъ, способомъ научной мысли о человѣкѣ*. Необходимость этой замѣны коренится въ самомъ существѣ „метода чистоты“. „За бытіе должно считаться только то, что можетъ произвести сама мысль“ ⁵⁾; „только то должно считаться даннымъ мысли, что она сама можетъ найти“ ⁶⁾. Бытіе вообще основано не въ себѣ самомъ:

¹⁾ Ibid., 95.

²⁾ Ibid., 96.

³⁾ Ibid., 29.

⁴⁾ Ibid., 142.

⁵⁾ Logik., 67.

⁶⁾ Ibid., 68.

оно возникает впервые въ мысли ¹⁾. „Мысль создаетъ основы (Grundlagen) бытія. Идеи суть эти основы, эти основоположенія (Grundlegungen) ²⁾.

Смыслъ всѣхъ этихъ сужденій какъ будто бы тотъ, что чистая мысль для Когена есть абсолютное. И въ самомъ дѣлѣ, онъ учитъ, что мысль сама въ себѣ имѣетъ свое начало или источникъ ³⁾. Ей принадлежитъ безграничная творческая самостоятельность ⁴⁾. Въ ея понятіи безконечно малаго заключается та *абсолютность*, которая обосновываетъ происхожденіе существующаго ⁵⁾. Наконецъ, мы находимъ у Когена самое рѣшительное утвержденіе *тождества мысли и бытія*. Весь смыслъ логики, по его признанію, заключается въ этомъ положеніи древняго Парменида: „нѣтъ той проблемы бытія, для разрѣшенія которой не заключалось бы задатковъ въ мысли ⁶⁾. Бытіе есть бытіе мысли. Поэтому мысль въ качествѣ мысли бытія есть мысль познанія“ ⁷⁾. Это ученіе о тождествѣ для Когена настолько выражаетъ собою принципъ истиннаго знанія, что съ его родоначальника—Парменида—онъ ведетъ начало научной философіи ⁸⁾. Прибавимъ къ этому характерное признаніе Когена, что за логикою, именно вслѣдствіе ея ученія о тождествѣ, остается область интересовъ старой метафизики ⁹⁾, и разбираемое ученіе покажется намъ чрезвычайно схожимъ съ панлогизмомъ Гегеля. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи это сходство оказывается призрачнымъ: въ дѣйствительности между обоими ученіями есть цѣлая пропасть.

Отличіе Когена отъ Гегеля заключается въ томъ, что, признавая тождество мысли и бытія, первый не дѣлаетъ выте-

¹⁾ Ibid. 28.

²⁾ Ibid., 18.

³⁾ Ibid., 11.

⁴⁾ Ibid., 32.

⁵⁾ Ibid., 116.

⁶⁾ Ibid., 501.

⁷⁾ Ibid., 14.

⁸⁾ Ibid., 27.

⁹⁾ Ibid., 14.

кающаго отсюда прямого логическаго вывода, что мысль есть сущее. Принимая ученіе, которое можетъ имѣть смыслъ лишь въ опредѣленной метафизической, монистической системѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣшивается отъ всякой метафизики. Онъ видитъ глубочайшее недоразумѣніе платонова ученія въ его метафизическомъ пониманіи идеи ¹⁾. Онъ упрекаетъ Канта за то, что тотъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“—въ плѣну у старой метафизики ²⁾ и видитъ сущность этическаго идеализма въ отрѣшеніи отъ метафизики всякаго рода ³⁾; по отношенію къ послѣдней идеалистическая этика и логика составляютъ методическую противоположность ⁴⁾. Главное же отличіе обоихъ мыслителей заключается въ томъ, что у Гегеля мысль гипостазирѣется, превращается въ міровую сущность: тождество мысли и бытія здѣсь выражается въ понятіи абсолютнаго духа, и соотвѣтственно съ этимъ весь міровой процессъ понимается какъ процессъ діалектическій. Напротивъ, у Когена мысль, тождественная съ бытіемъ, есть мысль научная, выразившаяся въ *фактъ научнаго познанія*, т.-е. въ концѣ-концовъ—мысль человѣческая. Поэтому для него самая „истина заключается въ признаніи научнаго разума: она основывается на немъ“ ⁵⁾. Пониманіе мысли какъ „сущаго“ совершенно ему чуждо; онъ далекъ отъ метафизическаго монизма и видитъ въ субстанціи лишь совокупность модусовъ ⁶⁾. Онъ категорически отрицаетъ абсолютную субстанцію въ гегелевскомъ смыслѣ ⁷⁾.

Здѣсь отличіе сказывается какъ нельзя болѣе рѣзко: если ученіе Гегеля есть *панлогизмъ*, то точка зрѣнія Когена можетъ быть охарактеризована какъ *панметодизмъ*. Для Гегеля истина—самъ объективный процессъ раскрытія Сущаго Разума; напротивъ, для Когена она—только правильный спо-

1) Ibid., 12.

2) Ethik d. reinen Willens, 315—316.

3) Ibid., 330—332.

4) Ibid., 428, 431.

5) Ibid., 91.

6) Logik, 211.

7) Ethik, 187.

собъ мысли человѣческой, научной, иначе говоря, — *она есть методъ*. „Истина“, говоритъ онъ, „заключается въ единомъ методѣ логики и этики. Она не можетъ быть обнаружена какъ данное. Она не можетъ быть принята какъ фактъ природы или исторіи, который лежитъ передъ нами или можетъ быть раскрытъ. *Она не есть сокровище, но копатель сокровищъ. Она есть методъ, но не изолированный и не поддающийся изолированію методъ, а такой, который приводитъ въ гармонію основное различіе разумныхъ интересовъ*“. Доводя до конца эту точку зрѣнія, Когенъ не останавливается ни передъ какими послѣдствіями: для него истина перестаетъ быть отличнымъ отъ науки *искомымъ*: онъ отождествляетъ ее съ самымъ процессомъ изслѣдованія: „истина состоитъ единственно въ исканіи истины“ ¹⁾.

Вообще, нѣтъ той истины въ сферѣ дѣйствительнаго или должнаго, которая бы для Когена не сводилась къ методу: всякій вообще предметъ, по его ученію, „заключается единственно въ чистомъ познаніи“ ²⁾. Это „всеобщее методическое значеніе предмета есть оружіе противъ предразсудка, будто, какъ говорится, предметъ намъ данъ“ ³⁾. Предметная дѣйствительность вообще сводится къ способу мысли, которая ее создаетъ: познаніе вещей, какъ оно дано въ наукѣ, первѣе самихъ вещей ⁴⁾; самое движеніе обозначаетъ не что иное, какъ единство всѣхъ методовъ ⁵⁾. Напрасно было бы съ этой точки зрѣнія искать въ дѣйствительности или надъ дѣйствительностью чего-либо отличнаго отъ мысли и ея методовъ: для Когена дѣйствительность сводится къ категоріи „единичнаго“, а абсолютное — къ гипотезѣ чистой мысли ⁶⁾, т. е., иначе говоря, къ методу. Самая идея Бога съ этой точки зрѣнія — не болѣе какъ *методическое поня-*

¹⁾ Ethik, 91.

²⁾ Logik, 201.

³⁾ Ibid., 276.

⁴⁾ Ethik 93.

⁵⁾ Logik 196; ср. Ethik, 130.

⁶⁾ Logik, 505; Eth. 429.

те: методика исчерпываетъ его содержание ¹⁾. Какъ въ логикѢ, такъ и въ этикѢ все сводится къ „методикѢ“. Цѣль нравственной дѣятельности человѣка и человѣчества есть „вѣчность“; но это—вѣчность не дѣйствительная, а только методическая. Она—не болѣе какъ нашъ способъ мысли о вѣчности, наша „точка зрѣнія“ (Blickpunkt). Она лишь постольку для насъ достовѣрна, поскольку она воздвигается на методическомъ основаніи.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы увидимъ, что всѣ вообще этическія понятія, какъ то—субъектъ нравственной дѣятельности, ея объектъ, свобода суть не болѣе какъ „методическія идеи“ или методы. Самое „человѣчество“, которое служить началомъ и концомъ нашей нравственной дѣятельности—не живое собирательное цѣлое, не единство во множествѣ индивидовъ, а только *способъ нашей мысли о цѣли нашей дѣятельности*. Для Когена понятіе цѣли исчерпываетъ собою понятіе человѣчества: „для понятія человѣчества нѣтъ болѣе точнаго содержанія, чѣмъ понятіе цѣли“ ²⁾. Относительно того же понятія цѣли въ „ЛогикѢ“ нашего автора говорится, что оно есть „методъ“ ³⁾.

Съ точки зрѣнія панметодизма мысль вообще, и въ частности мысль научная, создаетъ свои предметы. Только въ связи съ этимъ воззрѣніемъ намъ становится понятнымъ рядъ изреченій Когена, которыя во всякой другой системѣ могли бы показаться странными,—что Галилей создалъ матерію, потому что онъ ее впервые опредѣлилъ ⁴⁾, что воля не могла существовать раньше Платона, потому что Платонъ впервые создалъ этику ⁵⁾, что пророки измыслили че-

¹⁾ Ibid., 447.

²⁾ Eth., 410.

³⁾ Eth., 320.

⁴⁾ Logik, 309.

⁵⁾ Ibid., 125.

⁶⁾ Logik., 20; ср. Eth., 112: нравственности не было, пока она не была познана какъ таковая.

ловѣчество¹⁾ и Бога²⁾ и, наконецъ, что вся дѣйствительность природы покоится на нашемъ основоположеніи, гипотезѣ³⁾. Здѣсь рѣчь идетъ не о живой природѣ, а о „природѣ естествознанія“. Именно она обусловлена чистой мыслью⁴⁾, и только она представляетъ интересъ для Когена.

III.

Изъ предшествовавшего ясно, что въ изучаемой нами системѣ можно найти все, что угодно,—кромѣ жизни. Въ ней есть и Богъ, и человѣкъ, и вѣчность, и свобода, міръ матеріальный и міръ духовный. Но всѣ эти понятія у Когена получаютъ разясненія, которыя во многомъ напоминаютъ сенатскія: они сводятъ на-нѣтъ все то, что они разясняютъ. Въ результатѣ оказывается, что нѣтъ ни Бога, ни человѣка, ни вѣчности, ни свободы, ни міра матеріального, ни міра духовного. Есть только наши „точки зрѣнія“, „идеи“ и „категоріи“, словомъ,—способы нашей мысли. Вся живая дѣйствительность здѣсь лишена внутренней жизни и превращена въ какой-то методическій гербарій.

Эта черта дѣлаетъ намъ понятною попытку Когена „оріентировать“ этику въ юриспруденціи; она объясняетъ намъ въ особенности—основной парадоксъ его нравственного ученія—замѣну живого человѣка лицомъ юридическимъ, возведеніе послѣдняго въ нравственный идеаль и первообразъ.

Понятно, что философія, которая интересуется не самимъ міромъ дѣйствительнаго и должнаго, а только нашими на него точками зрѣнія, можетъ соприкасаться съ этимъ міромъ не непосредственно, а только черезъ посредство какой-либо научной дисциплины: мы можемъ знать методы лишь поскольку они выразились въ той или другой опре-

¹⁾ Eth., 146.

²⁾ Ibid., 87.

³⁾ Ibid., 435—436.

⁴⁾ Ibid., 437.

дѣленной наукѣ. Вотъ почему Когенъ не считаетъ даже нужнымъ доказывать своего основного положенія, что всякая философія должна ориентироваться въ *фактъ* данной науки. Онъ принимаетъ это положеніе какъ аксіому и считаетъ его *вѣчнымъ* элементомъ системы Канта ¹⁾.

Также нетрудно понять, почему Когенъ ищетъ опоры для этики именно въ юриспруденціи. Ему нужно освободить этику, во-первыхъ, отъ религіи, а, во-вторыхъ, отъ всякаго эмпирическаго элемента. Этотъ актъ освобожденія и совершается черезъ соединеніе этики и юриспруденціи: послѣдняя дѣлаетъ этику независимою съ двухъ сторонъ,—отъ мистики и отъ эмпирическихъ наукъ, въ частности—отъ психологіи ²⁾.

Религія интересуется живымъ индивидуальнымъ человѣкомъ и ставитъ его въ непосредственное отношеніе къ иному, нечеловѣческому міру ³⁾. Психологія и описательныя науки имѣютъ дѣло съ тѣмъ же неудобнымъ для этики конкретнымъ эмпирическимъ матеріаломъ. Все, конкретное индивидуальное въ „чистой этикѣ“ должно быть отброшено. Ея человѣкъ не есть индивидъ ⁴⁾. Ей нуженъ такой субъектъ, который былъ бы самъ продуктомъ чистой мысли, лицо не живое, а искусственное, *методическое*.

Какъ разъ такое лицо Когенъ находитъ въ юриспруденціи—лицо юридическое: это лицо и есть то самое, что сообщаетъ цѣнность правовѣдѣнію для этики. Проблемы обѣихъ наукъ объединяются именно въ понятіи лица—субъекта права. Вообще, лицо—ни въ какомъ случаѣ не есть *данный живой человѣкъ*: оно—только юридическое отвлеченіе ⁵⁾. Въ этомъ сочетаніи съ юриспруденціей „Этика чистой воли“ думаетъ найти достовѣрный базисъ для выясненія и обоснованія понятія человѣка, въ чемъ и заключается ея задача ⁶⁾.

¹⁾ Eth., 65.

²⁾ Eth., 70—71.

³⁾ Eth., 67.

⁴⁾ Eth., 9, 76.

⁵⁾ Eth., 75, 230.

⁶⁾ th., E67.

Выясненіе понятія челоѣка въ глазахъ Когена отнюдь не есть эмпирическое обобщеніе, иначе оно представляло бы психологическую задачу.—Психологія въ философіи вообще играетъ роль цѣннаго матеріала, но отнюдь не методическаго фундамента. Въ частности, для этики челоѣческой индивидъ въ психологическомъ смыслѣ—только задержка, препятствіе ¹⁾).

Отъ этой „задержки“ спасаетъ юриспруденція: благодаря ея помощи этика находитъ „истиннаго челоѣка“,—не того, который существуетъ въ дѣйствительности, а того, который долженъ существовать. Этика чистой воли имѣетъ своимъ предметомъ не природу и ея законы, а особаго рода бытіе—долженствованіе ²⁾): соотвѣтственно съ этимъ и субъектъ ея намъ не данъ, а только заданъ. Единство челоѣка составляетъ не отправную точку этики, а ея конечную цѣль, предметъ ея исканія. Только въ единствѣ со всѣми прочими людьми челоѣкъ обрѣтаетъ самого себя, свою *самость* (Selbst). Пока онъ—только изолированный индивидъ, пока онъ не возвысился надъ ступенью „множественности“ (Mehrheit), онъ еще не челоѣкъ. Онъ становится таковымъ только какъ составная часть общности или всего (Allheit). Эта общность въ своемъ развитіи проходитъ черезъ рядъ ступеней и достигаетъ завершенія въ единствѣ всего челоѣчества ³⁾).

Отсюда видно, что истинный челоѣкъ по Когену можетъ быть найденъ только въ истинной формѣ общенія людей. А прототипомъ такого истиннаго общенія опять-таки является для него юридическое лицо. Только въ юридическомъ лицѣ находитъ себѣ выраженіе истинное единство, понятіе общности или всего (Allheit). Высшею же формой юридическаго лица является государство: въ немъ впервые челоѣкъ становится челоѣкомъ ⁴⁾—этическимъ лицомъ ⁵⁾).

¹⁾ Eth., 11.

²⁾ Eth., 13.

³⁾ Eth., 7—8, 80—81, 96, 260, 340, 384.

⁴⁾ Eth., 244.

⁵⁾ Eth., 283.

Превосходство правового общенія Когенъ старается объяснить путемъ сравненія съ общеніемъ религіознымъ или церковнымъ. Фактъ религіозной нетерпимости и вражды доказываетъ, что религія не объединяетъ, а раздѣляетъ людей: гдѣ есть церковное общеніе, тамъ есть и партикуляризмъ ¹⁾; также и семейство, народъ, вообще естественные союзы, основанные на кровномъ родствѣ, не осуществляютъ единства въ человѣчествѣ, ибо не побѣждаютъ племенного и расового антагонизма ²⁾. Только въ правовомъ общеніи и именно въ государствѣ преодолевается эта рознь и обособленность. Государство впервые превращаетъ „частность въ общность“. Ему одному подъ силу разрѣшить противорѣчіе между единичнымъ человѣкомъ и универсальной идеей человѣчества ³⁾.

Основная задача этики заключается въ томъ, чтобы освободить человѣка и человѣчество отъ естественнаго состоянія множественности, все привести къ единству: это объединение можетъ быть осуществлено не въ области чувственно-воспринимаемаго, гдѣ все раздроблено, а только въ отвлеченіи, въ *абстрактномъ единствѣ* юридическаго лица и въ особенности—государства ⁴⁾.

Изъ всѣхъ формъ человѣческаго общенія—только юридическое лицо въ состояніи одержать полную и окончательную побѣду надъ эгоизмомъ: сильнымъ противовѣсомъ противъ эгоизма служить, на примѣръ, чувство любви къ родинѣ: оно является способомъ расширения нашего я. Но здѣсь эгоизмъ индивидуальный замѣняется эгоизмомъ коллективнымъ: патриотизмъ такъ же мало спасаетъ насъ отъ аффектовъ, какъ и религія. „Напротивъ, въ юридическомъ лицѣ аффекты не играютъ никакой роли“: въ немъ идетъ рѣчь только объ опредѣленномъ дѣйствіи воли,—о юридическомъ дѣйствіи. Поэтому въ юридическомъ лицѣ мы по-

¹⁾ Eth., 76.

²⁾ Fth., 80.

³⁾ Eth., 76, 82.

⁴⁾ Eth., 80—81.

лучаемъ точное изображеніе „чистой воли“; въ немъ осуществляется ея самосознаніе. Въ этомъ и заключается тотъ „методическій выигрышъ“, который этика извлекаетъ изъ понятія юридическаго лица ¹⁾. Въ частности, въ государствѣ мы отрѣшаемся отъ эгоизма и научаемся мыслить и хотѣть наше „я“ въ соотношеніи съ „ты“ со всею точностью, какую дѣлаетъ возможной право ²⁾. Тѣмъ самымъ государство преодолеваетъ солипсизмъ: самоопредѣленіе человѣка въ государствѣ уничтожаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что человѣкъ не есть изолированный индивидъ ³⁾.

Говоря о значеніи юридическаго лица, Когенъ доходитъ до паэоса: здѣсь, по его словамъ, наука права даетъ этикѣ нѣчто большее, чѣмъ примѣръ,—первообразъ,—недостигаемый ни для какой другой формы альтруизма ⁴⁾. Въ этомъ воодушевленіи съ необыкновенной яркостью сказывается отвлеченный характеръ когеновской этики. Идеальною, съ ея точки зрѣнія, представляется та форма объединенія людей, которая объединяетъ ихъ не въ дѣйствительной ихъ жизни, а только *въ методъ*, въ понятіи.

Нетрудно убѣдиться, что все это „объединеніе“, которое прославляется у Когена, носить на себѣ характеръ фиктивный.

Въ дѣйствительности правовое объединеніе нисколько не преодолеваетъ внутреннюю рознь между живыми лицами: разграничивая сферы внѣшней свободы людей, право не преобразуетъ ихъ внутренній міръ и, слѣдовательно, не преодолеваетъ ихъ эгоизма: юридическое лицо и, въ частности, государство, можетъ заключать въ себѣ множество лицъ, внутренне враждебныхъ другъ другу; оно можетъ служить цѣлямъ ихъ коллективнаго эгоизма. Какъ же оно можетъ быть прообразомъ истиннаго альтруизма?

Суть въ томъ, что въ „альтруизмѣ“ Когена, какъ и во

¹⁾ Ibid., 236, 237.

²⁾ Ibid., 256.

³⁾ Ibid., 357.

⁴⁾ Eth., 78.